

СПОР О БЕСПРЕДМЕТНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ (Б. БОЛЬЦАНО, К. ТВАРДОВСКИЙ, Э. ГУССЕРЛЬ)

Исследуется проблематика так называемых «беспредметных представлений», которая преимущественно была разработана в рамках австрийской философии XIX в. Наш анализ сосредоточен на эволюции понимания и статуса беспредметных представлений в работах трёх ключевых авторов этой философской традиции: Б. Больцано, К. Твардовского и Э. Гуссерля. Этот анализ позволяет вскрыть ключевую идеологическую оппозицию, характеризующую философию того времени: оппозицию психологизма и логицизма.

Ключевые слова: Твардовский; беспредметные представления; интенциональность.

Проблема беспредметных представлений как таковая хорошо известна. Ее можно проиллюстрировать примерами противоречивых высказываний («круглый квадрат» и т.п.). Поэтому само словосочетание «беспредметные представления» в пояснении не нуждается. В данном случае достаточно следующее понимание проблемы: это вопрос о возможности или невозможности существования таких предметов, которые даже невозможно помыслить.

В этой статье нас будет интересовать конкретный спор о беспредметных представлениях между Б. Больцано («Наукоучение», 1837), К. Твардовским («К учению о содержании и предмете представлений», 1894) и Э. Гуссерлем («Интенциональные предметы», 1894).

У всех авторов беспредметные представления понимаются по-своему, в контексте их концепций. Кроме того, двое из участников этой дискуссии, а именно Твардовский и Гуссерль, стали основателями двух влиятельных философских направлений: феноменологии и Львовско-Варшавской школы. Больцано, не пользовавшийся при жизни особой известностью, впоследствии также оказал огромное влияние на развитие философской мысли. Для каждого из них понимание беспредметных представлений является ключевым моментом в развитии их концепций на момент написания соответствующих работ. Твардовский на этом этапе в своей главной работе «К учению о содержании и предмете представлений» заложил основы того философского метода и логического мышления, которое позднее стало отличительной особенностью польских философов и логиков Львовско-Варшавской школы. Для Гуссерля этот этап был ознаменован отходом от психологизма Brentano и переходом к строгому логическому и научному мышлению, которое стало в дальнейшем одним из основных принципов феноменологии.

Вследствие этого воспроизведение и анализ данного спора представляется весьма любопытным, поскольку здесь связано вместе несколько весьма важных философских проблем и историй, оказавших также влияние на философские дискуссии в XX в., посвященные проблеме статуса вещей. Поэтому уместно дать краткую характеристику учения каждого из авторов и четко определить тот момент, когда им поднимается данная тема. Это не означает простое изложение или пересказ идей этих авторов. Тема беспредметных представлений в их работах пока должным образом не разъяснена. Нет и ее единой интерпретации. Здесь я хотел бы восполнить данный пробел в исследованиях творчества этих выдающихся мыслителей.

«Наукоучение» Б. Больцано

В первую очередь обратимся к *opus magnum* Бернарда Больцано (1781–1848) «Наукоучение». Здесь нас интересует представленное в его книге учение о так называемых представлениях-в-себе.

Больцано рассматривает два типа представлений: субъективные представления и представления-в-себе (объективные представления). Субъективные представления присущи живым субъектам, а объективные существуют независимо от них.

«Субъективное представление есть нечто *действительное* и мыслимое; оно имеет определённое время в душе мыслящего его существа, имеет наличное бытие в разуме представляющего его субъекта... *Представление в себе*, или *объективное* представление, – это *материя* субъективного... Объективное представление не нуждается ни в каком *субъекте*, которым бы оно представлялось... Субъективное представление множественно и различно... через представляющих его существ. Объективное представление в себе всегда едино...» [1. С. 82].

Также наличествует предмет, к которому относятся оба вида представлений.

Больцано как учёного всё же больше интересуют представления-в-себе, а не субъективные представления. Он подробно разбирает их структуру, их разновидности, свойства. В параграфе, посвящённом определению «объёма представления», Больцано вводит понятие предметных представлений (*Gegenstandsvorstellungen*). Для него это такие представления, которые *имеют* один или несколько предметов. Только у них обнаруживается объём. Напротив, у представлений, не имеющих предмета (*gegenstandlos*), нет и объёма представления. Больцано переходит к рассмотрению вопроса о природе беспредметных представлений и о доказательстве их существования. В качестве примера и одновременно аргумента он берёт представление «ничто». Надо отметить, что анализ понятия «ничто» станет основополагающим пунктом вообще в логической традиции интерпретации проблемы беспредметных представлений. Анализ этого понятия мы находим также у Твардовского.

Понятие «ничто» играет у Больцано следующую роль. Он пишет, что нелепа сама возможность существования предмета у представления «ничто», так как сам предмет есть *ничто*. Далее следует весьма серьёзное и важное размышление.

«Под таким представлением понимается само мыслимое представление, сама мысль, а материя (*Stoff*),

которую она имеет (т.е. представление в себе), принимается за его предмет. Так, можно сказать, что мысль о «ничто» имеет материю, а именно само объективное представление «ничто». Но утверждение, что в основании этого представления лежит некоторый известный предмет, трудно оправдать» [1. С. 96].

По мнению Больцано, фактическое наличие объективного представления «ничто» подменяется существованием соответствующего предмета. Подобная же схема воспроизводится и с другими видами беспредметных представлений вроде «круглого четырёхугольника», «зелёной добродетели» или «золотой горы» (примеры Больцано). Резюмируя, скажем, что относительно такого рода представлений («ничто», противоречивых, несуществующих), по его мнению, существуют только субъективное и объективное представления. В последнем и содержатся все противоречивые свойства этих представлений.

«К учению о содержании и предмете представлений» К. Твардовского

Казимеж Твардовский (1866–1938) в своей работе ставит целью показать различие содержания представления и его предмета. В основе его взглядов лежит учение Франца Brentano (1838–1917), который впервые ввёл в оборот всю эту терминологию, заново открыв для современной философии понятие «интенциональности». Интенциональность для Brentano означала отношение акта представления к предмету. Твардовский же занялся дальнейшей разработкой теории предмета и пришёл к выводу, что кроме акта и предмета в схеме интенциональности необходимо выделить ещё и содержание представления.

Сам же предмет представления у Твардовского является необходимым элементом в процессе представления. Поэтому предмет у него это «всё, что представлено посредством представления, признано либо отброшено суждением, желаемо либо отвергаемо эмоциональной деятельностью... Предметы бывают реальными и нереальными, возможными и невозможными. Общим для всех них является то, что они могут быть или же являются объектом психического акта» [2. С. 78].

Отстаивая предметность сферы сознания, Твардовский стремился доказать невозможность существования беспредметных представлений. Этому доказательству он отвёл соответствующую главу – *О так называемых «беспредметных» представлениях*. В ней он выделяет несколько видов беспредметных представлений, выдвигаемых его оппонентами:

1. Представления, в которых происходит непосредственное отрицание предмета, например представление о «ничто».

2. Представления, в содержании которых соединены противоречивые определения (круглый четырёхугольник и т.д.).

3. Представления, предмет которых отсутствует на данный момент в опыте.

Анализ слова «ничто» занимает отдельное место во всей теории Твардовского, хотя он и появляется в связи с проблемой беспредметных представлений.

Твардовский заявляет, что «ничто» – это не негативное категорематическое выражение, т.е. выражение,

образованное инфинитацией (*infininitatio*), присоединением частицы «не» к имени («нечеловек»). По мнению Твардовского, как пишет об этом Я. Воленский, польский исследователь наследия Львовско-Варшавской философской школы, «...инфинитация имеет смысл тогда, когда – говоря сегодняшним языком – выражения, полученные с помощью инфинитации, сохраняют статус имени. Однако это происходит только тогда, когда пара, составленная из имени и результата инфинитации, имеет более общий род» [4. С. 58–59]. Слово «ничто» не имеет над собой ничего вышестоящего, так как если бы оно было, оно всё равно было бы чем-то. В итоге, по Твардовскому, «ничто» не является именем или названием, т.е. оно не категорематическое, а синкатегорематическое выражение. Наиболее известное его толкование этого состоит в том, что выражение «ничто не вечно» в действительности означает «нет ничего такого, что было бы вечным».

В работах Я. Воленского содержатся существенные замечания по поводу логических аргументов Твардовского. Он показывает, как можно расценивать эти аргументы с точки зрения современной логики: по Твардовскому, ««ничто» выражает отрицание квантора существования, а когда «ничто» считают именем, то это результат смешения синтаксических категорий» [4. С. 59].

Твардовский утверждает, что сам Больцано приходил к тем же выводам, хотя признавал синкатегорематическую природу слова «ни один» (*kein*). «Ни один человек», по мнению Больцано, есть представление «человек», соединённое с отрицающей частицей «не» таким образом, что эта частица относится не к самому представлению, а к предикату.

Воленский замечает, что Твардовский предвосхитил, по сути, на сорок лет подобное же рассуждение Р. Карнапа. Карнап критиковал выдвинутое Хайдеггером высказывание «*Das Nichts nichtet*». Он видел синтаксическую ошибку в такой трактовке слова «ничто» (*Nichts*) [5. С. 219–241].

Твардовский одним из первых начал рассматривать философскую проблематику в русле семантики. Возможно, это и определило становление и развитие Львовско-Варшавской школы.

Второй и третий виды беспредметных представлений Твардовский рассматривает вместе. Он заявляет, что в рассуждениях авторов, полагающих, что существуют представления, чьи противоречивые свойства помещаются в содержание и чей предмет отсутствует, имеется понятийная путаница. Так, если мы говорим «остроугольный квадрат», то, во-первых, мы совершаем представительство, во-вторых, сообщаем содержание представления, которое, в свою очередь, образует значение названия. Наконец, мы нечто называем, «нечто такое, что соединяет в себе взаимопротиворечащие свойства, и существование чего сразу же отрицается, если об этом названном совершить суждение» [2. С. 60]. Однако замечает Твардовский, всё-таки в этом своеобразном акте названия мы нечто называем, причём это нечто не существует. Это не может быть содержанием, так как содержание существует, кроме этого, мы этому нечто приписываем противоречивые свойства, которые не могут быть в содержании. Если бы содержание ими обладало, то оно бы не существовало.

Итак, в акте именованя «остроугольного квадрата» мы именуем предмет, даже если он не существует. Существование понимается в двух смыслах. В первом – это собственно существование предмета, его присутствие в данный момент в опыте. Второй же смысл, по мнению Твардовского, часто не замечается. Это *бытие предмета представленным* (Vorgestelltwerden). «Предмет представления, в содержании которого представлены противоречивые признаки, не существует; и, тем не менее, утверждают, что он представлен; следовательно, он всё же существует, то есть существует как представленный предмет» [Там же]. Когда мы добавляем к понятию существования «как предмет представления», мы тем самым модифицируем значение этого понятия. Получается, что в результате такой модификации нечто не существует, а лишь представлено.

Различение «существования» предмета и его «существования как предмета представления», естественно, оставляет за собой ряд вопросов. Основной же проблемой является то, что таким образом размывается граница между существованием и несуществованием. Если мы говорим, что некий предмет не существует, но в то же самое время говорим, что он существует как предмет представления, мы тем самым утверждаем существование и несуществование одновременно. Твардовский разъяснял это так, что значение понятия «существования» в контексте «как предмет представления» является модифицированным, и тем самым он пытался освободиться от этой трудности. Выходило, что предмет может не существовать в принципе (например, круглый квадрат), но он существует в представлении круглого квадрата.

Я. Воленский в статье, посвящённой теме беспредметных представлений у Твардовского [6], приводит характерную критику К. Першика [7]. Последний писал, что аргументы Твардовского против второго вида беспредметных представлений строятся на самоочевидном для Твардовского принципе, согласно которому каждое имя что-то обозначает. Першик подвергает этот принцип критике. Он пишет, что если мы различаем интенциональные и экстенциональные свойства, то если что-то не существует – то оно не имеет свойства в экстенциональном контексте. В защиту же Твардовского Воленский пишет: «...каждое имя что-то обозначает, но только если мы вводим различные категории предметов» [6. С. 12].

«Интенциональные предметы» Э. Гуссерля

Теперь обратимся к статье Э. Гуссерля «Интенциональные предметы». Еще раз напомним, что Гуссерль, как и Твардовский, был учеником Brentano и посещал его лекции в 1884–1886 гг. Также под его влиянием он пишет «Философию арифметики» (1891), где производит дескриптивно-психологический анализ математических проблем. На этом психологический, или дофеноменологический, период творчества Гуссерля заканчивается.

В 1892 г. Г. Фреге публикует свою знаменитую статью «О смысле и значении», в которой, по сути, предлагает семантический аналог различения содержания и предмета представления у Твардовского. Его знамени-

тый треугольник «знак (имя) – смысл – значение (денотат)» стал классическим для логической семантики. Подобно содержанию представления смысл является «способом задания» обозначаемого (т.е. предмета).

Целью Фреге было создание совершенного языка, Гуссерль же стремился выстроить философию по методу науки. В этом смысле концепция Фреге импонировала ему. В ходе их переписки на основе собственных рассуждений он оставляет позицию психологизма.

Итак, Гуссерль в упомянутой работе возвращается к учению Больцано и пользуется его терминологией (в смысле различения субъективных и объективных представлений). В частности, это выражается в проведённом Гуссерлем различении содержаний психических содержаний (субъективных представлений), которые находятся в ведении психологии, и идеального единства значения (объективных представлений), изучением которого занимается семантика. Тем не менее представляется, для Гуссерля здесь более важным был анализ именно объективных представлений. Не случайно именно в связи с этим проблема беспредметных представлений рассматривается в разделе, посвящённом объективным представлениям. «Представление» в данном случае понимается как «значение». Дисциплиной, которая рассматривает проблему беспредметных представлений, у Гуссерля становится логическая семантика (вслед за Фреге). Как пишет Р. Громов, «суть вопроса для него заключалась в исследовании оснований, по которым мы получаем право использовать в научной сфере, и в первую очередь в математике, понятия, обозначающие лишь возможные или недействительные предметы» [8. С. 35].

Начиная с некоторой иронии относительно взглядов Твардовского, Гуссерль переходит к их критике. Эта критика главным образом относится к учению о существовании духовного образа предмета. По его мнению, Твардовский подгоняет факты под эту теорию, согласно которой «каждое представление относится к своему предмету посредством «духовного образа» (Abbildes)». Он справедливо замечает, что есть также такие представления, «в которых фактически не происходит наглядной репрезентации» [9. С. 37]. Существуют такие понятия, с которыми сложно соотнести некий духовный образ (литература, наука, искусство). Что соответствует такому понятию, как литература? Вряд ли мы можем связать с этим некий определённый, наглядный образ. Гуссерль указывает на то, что мы в акте представления, имея в виду образ, всё равно обращаемся к внешнему предмету. Содержание лишь репрезентирует какие-то свойства предмета, но наши суждения и эмоции относятся к предмету.

Для прояснения своей точки зрения Гуссерль сравнивает разделение предметов на действительные и интенциональные с разделением их на определённые («этот лев») и неопределённые («какой-то лев»). Классификация предметов («львов») на определённые и неопределённые отличается от классификации львов на африканских и азиатских. Объём понятия «лев» при этом не распадается. Классификация на определённых и неопределённых есть классификация объективных представлений на такие, в которых отношение к предмету определено, и такие, в которых оно не определено.

но. В результате, как бы ни различались предметы, по Гуссерлю, о них мы можем говорить только тогда, когда они реально существуют в мире. Поэтому значения таких характеристик предмета, как «настоящий, реальный, действительный, существующий», должны быть равны.

Резюмируя, подчеркнем изначальную разность анализируемых здесь идей трех авторов. Больцано, а в большей степени Гуссерль, стремились к развитию строго научного знания и потому выстраивали свои концепции с опорой на логический аппарат. Твардовский же являлся классическим представителем психологизма. Вопрос о возможности рассуждения со столь различных позиций в рамках одной дискуссии, как мне кажется, остаётся открытым. Гуссерль в своей работе формулирует жесткую позицию относительно текста Твардовского. Возникает вопрос не только о том, как возможна дискуссия, но и том, как возможен продуктивный для обоих авторов спор, так как их точки зрения относятся уже к разным системам мышления: логицизма и психологизма.

Ещё одним примером такого принципиального различия логического и психологического понимания вещей является дискуссия между Керри и Фреге. Керри выдвинул ряд возражений в отношении работы Фреге «Основания арифметики» (1884). Возражения касались слова «понятие», и Фреге в работе «О понятии и предмете» (1892) указывает на возможность различного понимания этого слова.

«Слово “понятие” употребляется по-разному: отчасти в психологическом, отчасти в логическом смыс-

ле, отчасти, быть может, в смысле, представляющем собою неясное смешение первых двух. Эта фактически существующая свобода находит своё естественное ограничение в требовании, чтобы однажды принятый способ употребления слова сохранялся и в дальнейшем. И я принял решение строго придерживаться чисто логического употребления. Вопрос о том, какой из способов употребления этого слова более целесообразен – психологический или логический, я оставляю в стороне как менее важный» [10. С. 253].

О взаимоотношениях логики и психологии пишет современный итальянский исследователь Р. Поли, подчёркивая значимость логико-психологического дискурса для науки в целом.

«Одним из принципиальных следствий перехода от метафизики к онтологии стала ситуация с разобщённостью, которая возникла между психологией и логикой. Эта разобщённость, которая на различных уровнях характеризовала весь двадцатый век и которая только сейчас, благодаря вкладу новых исследований, исследований искусственного интеллекта и когнитивной психологии, наконец, начала исчезать» [12. С. 11].

Специфика описываемой здесь дискуссии в том, что, с одной стороны, все авторы стоят на разных основаниях, а с другой – все они принадлежат к одной традиции, их объединяет общее идейное пространство. Поэтому вряд ли можно сказать, что их методологические основания настолько противоречат друг другу, что это ставит под сомнение продуктивность самой дискуссии и ее анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Больцано Б.* Учение о науке. СПб.: Наука, 2003.
2. *Твардовский К.* К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. М.: РОССПЭН, 1997.
3. *Kerry B.* Über Anschauung und ihre psychische Verarbeitung. Zweiter Artikel. Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie X, 1886 // Essays in the History of Logic and Logical Philosophy. Krakow: Jagiellonian University Press, 1999. P. 27.
4. *Воленский Я.* Львовско-Варшавская философская школа. М.: РОССПЭН, 2004.
5. *Carnap R.* Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache // Erkenntnis. 1932. II.
6. *Woleński J.* Twardowski o przedstawieniach bezprzedmiotowych // Szkoła Lwowsko-Warszawska w polemikach. Warszawa, 1997.
7. *Perszyk K.* Nonexistent Objects. Meinong and Contemporary Philosophy. The Hague, 1993.
8. *Громов Р.* Предисловие к публикации «Интенциональных предметов» Э. Гуссерля // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.
9. *Гуссерль Э.* Интенциональные предметы // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005.
10. *Фреге Г.* О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. тр. М., 2000.
11. *Polì R.* The Brentano Puzzle: An Introduction. Ashgate, 1998.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 5 декабря 2010 г.